

ВОРОШИЛ ГУКАСЯН

ОПЫТ ДЕШИФРОВКИ АЛБАНСКИХ НАДПИСЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

Как известно, на большей части территории Азербайджанской ССР с древних времен до IX в. н. э. существовало государство, называемое Кавказской Албанией¹, которое объединяло более двадцати разноязычных племен². Албанцы примерно в начале IV в. приняли христианство и в течение нескольких веков, „во всех областях политической и культурной жизни Кавказа принимали деятельное участие наравне с грузинами и армянами“³.

Когда и на основе какого языка создана албанская письменность пока неизвестно. Известно одно: „во времена армянского царя Врамшапуха, католикоса Саака, иверских царей—Бакура, а затем воцарившегося Ардзюха и епископа страны Мовсеса... агванского царя Арсваха и епископа страны Еремии и, наконец, императора Феодосия младшего и патриарха Аттика и восточноримского стрателата Анатолия“⁴ были созданы армянская, грузинская и албанская письменности. Это значит, что дату создания письменностей закавказских народов можно отнести к первой четверти V века.

По Корюну, албанская письменность создана на базе албанского языка⁵, по Моисею Хоренскому⁶, она составлена на основе гаргарского языка Албании. В „Истории албан“ Моисея Утийского (Каланкайтуйского) и „Истории халифов“ Гевонда албанцы непосредственно фигурируют среди народов, имеющих свою письменность⁷. Однако в тех и других случаях, где упоминается албанская письменность, нет ни

¹ Армянский эквивалент этого названия Alvan-kh, грузинский her-n-i, сирийский Агап, арабский al-Ran//ar-Ran→Агган.

² См.: Страбон. География в 17 книгах. М., Изд-во „Наука“, 1964, кн. XI, IV, 6, стр. 476. „...Теперь, правда, у них один царь управляет всеми племенами, тогда как прежде каждое разноязычное племя управлялось собственным царем. Языков у них 26, так что они нелегко вступают в сношение друг с другом“.

³ См.: А. Г. Шанидзе. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки. Изв. ИЯИМК, ГрузФАН СССР, т. IV, Тбилиси, 1938, стр. 3.

⁴ См.: К. А. Мелик-Оганджян. Корюн и его „История Маштоца“. Предисловие к „Житию Маштоца“, Ереван, Айпетрат, 1962, стр. 12.

⁵ См.: Корюн. Житие Маштоца (на арм. языке), Ереван, 1941, стр. 68.

⁶ См.: Моисей Хоренский. История Армении (на арм. языке), Тифлис, 1913, стр. 329.

⁷ См.: Моисей Каганкатваци. История Агван (на арм. языке), М., 1860, стр. 3; Гевонд. История халифов, СПб., 1862, стр. 44.

слова о грамматическом строе, фонетическом и лексическом составе албанского языка, о характере письменности, о ее разновидностях и пр. Поэтому албанская письменность, которая вышла из употребления на рубеже нашего тысячелетия⁸, для науки осталась нераскрытой тайной.

Интенсивные поиски возможных остатков албанской письменности начались с 30-х гг. XIX в. и продолжались более ста лет. Наконец, в 1937 г. И. В. Абуладзе в ереванском „Матенадаран“е обнаружил рукопись (под № 7117) учебного характера⁹, где наряду с греческим, сирийским, латинским, грузинским, коптским и арабским алфавитами, оказался и албанский.

Албанский алфавит, состоящий из 52-х заглавных букв, специально был исследован видным кавказоведом А. Г. Шанидзе в упомянутой монографии. Он определил звуковые значения многих знаков албанского алфавита, изучая их в сравнении с другими алфавитами того же списка № 7117. Автор выявил, что судя по названию букв, в албанском алфавите отсутствуют знаки для звуков б, гъ, р, хъ, къ и т. д., которые, по всей вероятности, были в древнеалбанском языке. А. Г. Шанидзе заметил близкое сходство звукового состава албанского языка, представленного в алфавите, с таковыми современного удинского языка. Дальнейшие исследования в области албанской письменности, ономастики и топонимии привели А. Г. Шанидзе к „убеждению, что удинский язык—это один из новоалбанских диалектов, или, что то же, албанский—это есть литературный язык древних удин, т. е. древнеудинский“¹⁰.

Почти все исследователи албанской письменности и истории Албании разделяют мнение А. Г. Шанидзе, прибавляя к этому свои, новообнаруженные факты.

В 1948—1952 гг. на месте земляных работ по строительству Мингечаурской ГЭС азербайджанским археологам посчастливилось обнаружить небольшую группу албанских эпиграфических памятников, датирующихся на основании общей стратиграфии пластов мингечаурских поселений № 2 и № 3, а также нумизматических находок V—VII вв.¹¹ Вслед за этим, в 1953 г. в США был обнаружен другой экземпляр албанского алфавита, относящийся к 80-м гг. XVI в. и включенный в коллекцию армянских рукописей А. Курдиана¹².

Найденные надписи и списки алфавита еще раз подтвердили сведения армянских и сирийских первоисточников о том, что албанцы имели

⁸ О причине гибели албанской письменности в IX—X вв. см.: А. Г. Шанидзе, Новооткрытый алфавит., стр. 3; Е го же. Язык и письмо кавказских албанцев. Вестник Отделения общественных наук АН Груз. ССР, Тбилиси, 1960, № 1, стр. 170; G. Dumézil. Une chrétienté disparue. Les Albanais du Caucase.—„Mélanges Asiatiques“ I, t. 232. Paris, 1940—1941, p. 126; К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 306—315; Г. Ворошил. О древнеалбанском алфавите и удинском языке (на азерб. языке). „Известия АН Азерб. ССР, серия общественных наук (СОН)“, Баку, 1962, № 1, стр. 80—81 и т. д.

⁹ Учебник был составлен в 30—40 гг. XV в. На 141—144 листах его помещены вышперечисленные алфавиты и под каждым знаком их подписано название букв в армянской транскрипции, причем начальные буквы начертаны красными чернилами. Факсимиле списка алфавитов приложено к монографии А. Г. Шанидзе „Новооткрытый алфавит кавказских албанцев...“

¹⁰ См.: А. Г. Шанидзе. Язык и письмо кавказских албанцев..., стр. 189.

¹¹ Об этом см.: С. М. Казиев. Новые археологические находки в Мингечауре. „ДАН Азерб. ССР“, т. IV, № 9, Баку, 1948, стр. 396—403; Т. И. Голубкина. Еще одна албанская надпись из Мингечаура. „ДАН Азерб. ССР“, т. V, № 5, Баку, 1949, стр. 234—236; Р. М. Ваһидов. Минкэчевир III—VIII эсрлэрдэ. Изд-во АН Азерб. ССР, Баку, 1961 и т. д.

¹² См.: Н. Kurdian. The newly discovered alphabet of the Caucasian Albanians. IRAS, pt. 1—2, 1956, стр. 80—83.

свою письменность, созданную на основе одного из местных албанских языков.

На первый взгляд, ключ к дешифровке надписей как будто и был: два списка алфавита, причем некоторые знаки его имели свои соответствия в надписях. Однако применение алфавита к дешифровке надписей не дало желаемых результатов. А. Г. Шанидзе писал: „Если бы все найденные мингечаурские надписи были одинакового стиля, то этим значительно было бы облегчено их чтение. Что же касается ключа к ним, найденного в армянской рукописи XV в. в виде полного алфавита, то он оказался не очень подходящим для чтения мингечаурских надписей. Правда, есть несомненное сходство некоторых букв, надписей буквами алфавита, но, как и следовало ожидать, знаки алфавита очень деформированы“¹³.

Такое предупреждение не предостерегло исследователей албанской письменности от применения алфавита в качестве ключа к дешифровке надписей. Например, А. Г. Абрамян, пытаясь дешифровать албанские надписи, составил сравнительную таблицу знаков надписей и алфавита и во многих из них нашел сходство по начертанию¹⁴. Но, к сожалению, автор не пользовался каким-либо методом с точки зрения теории дешифровки. Поэтому большинство его сравнений и сопоставлений знаков надписей и алфавита носило чисто случайный характер¹⁵.

Совершенно другим методом исследуются албанские надписи Г. А. Климовым. Для выделения гласных и согласных в имеющихся надписях он воспользовался дистрибутивной методикой, на основе чего определил, что знаки корпуса албанских надписей насчитывают 35—36 графических инвариантов.

Выделенные Г. А. Климовым фонемы (особенно гласные) почти соответствуют таковым, гипотетически определенным А. Г. Абрамяном. Это подчеркивается самим автором: „Таким образом, в большинстве случаев находят формальное подтверждение фонетические интерпретации „гласных“ графем, предложенные А. Г. Абрамяном на основе интуитивного с точки зрения теории дешифровки критерия их сходства с буквами списков алфавита“¹⁶.

Из выделенных А. Г. Абрамяном и Г. А. Климовым гласных (а, е, и, о, у, уь) а, е, и имеют свои точные соответствия в алфавите с названиями: Алт, Ен, Ирб.

Для согласных А. Г. Абрамян обнаружил сходство 24 знаков алфавита и надписей, а Г. А. Климов выделил в надписях 30 согласных, из коих: б, п, г, с, т, з, w (малое), kh, х* и т. д. имеют одинаковые назначения у обоих исследователей. Все эти знаки (гесп. буквы) соответствуют таковым алфавита. Что касается двух знаков (рис. 1)**, выделенных Г. А. Климовым в виде отдельных фонем, то оба они (с небольшой разницей в начертаниях) являются одним и тем же „н“.

Таким образом, если исследовать албанский алфавит (с учетом знаков надписей), то можно применить его к дешифровке. Правда, как отмечает Г. А. Климов, одна только реконструкция алфавита по двум спискам не может автоматически привести к ключу, посредством ко-

¹³ А. Г. Шанидзе. Язык и письмо кавказских албанцев..., стр. 173.

¹⁴ См.: А. Г. Абрамян. Дешифровка надписей кавказских агван. Ереван, Изд-во „Митк“, 1964.

¹⁵ Об этой монографии подробно см. нашу статью: К дешифровке албанских надписей Азербайджана. „Этимология 1966“, М., 1968, стр. 392—400.

¹⁶ См.: Г. А. Климов. К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанский) письменности. „Вопросы языкознания“, М., 1967, № 3, стр. 76.

* Учитывая возможности типографии мы пользовались то латинской, то русской транскрипциями для одного и того же знака.

** Все рисунки приложены к статье по порядку (1... 33).

торого можно будет прочесть тексты. Но это отчасти зависит от того, в каком аспекте ведется эта реконструкция.

Для того, чтобы применить алфавит в качестве ключа к дешифровке албанских надписей, первым делом необходимо уточнить название букв, в чем и кроется как раз весь секрет; определить фонематичность знаков, после чего сравнить его со звуковым составом современных албанско-лезгинских языков; во-вторых, сверить напечатанные фотоснимки албанских надписей в трудах специалистов с оригиналом — предметом (это очень необходимо!); после всего этого, сравнить знаки надписей и алфавита. Если окажутся точные соответствия между ними, как по начертанию, так и по значимости, тогда можно приступить к дешифровке.

Дело в том, что до сих пор точно не определено количество знаков надписей в вышеупомянутых трудах А. Г. Шанидзе, А. Г. Абрамяна, Р. Г. Ваидова и Г. А. Климова. Причина заключается в том, что фотоснимки надписей сделаны не с предмета, а с прописей, изготовленных руками археологов. Вследствие этого были искажены начертания многих знаков (рис. 2). Кроме того, остаток надписи из 3-х знаков на обломке глиняного сосуда, обнаруженный Р. М. Ваидовым из третьего поселения Мингечаура, А. Г. Абрамяном прочитан в перевернутом виде и отнесен к армянским памятникам; в ней прочитано личное имя „Sim[eon]“¹⁷. Однако, при этом автор, во-первых, не обратил внимания на то, что данный обломок найден из того поселения, где был обнаружен подсвечник № 3 с албанской надписью; во-вторых, после последнего знака надписи, осталась нетронутой половина обломка. Писец вряд ли сделал надпись с середины предмета.

Дешифруя надпись в перевернутом виде А. Г. Абрамян албанский „Sil...“ читал как „Sim...“ (рис. 3).

Подобные ошибки и недочеты затрудняли сличение знаков надписей и алфавита, а это, в свою очередь, — дешифровку.

Весь корпус албанской эпиграфики составляет ныне восемь памятников, с общим числом 197 знаков (рис. 4).

Достаточно сверить нашу таблицу (рис. 4) с таковой, приведенной в статье Г. А. Климова, чтобы убедиться в том, что на основе опубликованных фотоснимков трудно исследовать албанскую письменность. В его таблице всего 178 знаков¹⁸ (62+46+23+15+17+9+6) против 197, наличествующих на предметах-оригиналах.

Если внимательно сопоставить знаки надписей со знаками алфавита, то нетрудно заметить, что между их начертаниями резких отличий нет. Правда, как и следовало, нижние и верхние кончики, а также отдельные выступы знаков алфавита удлинены. Это может быть по ряду причин: во-первых, алфавит — уставное письмо и в нем буквы начертаны каллиграфически. Если знаки алфавита более или менее точно можно начертать на камне, то их никак нельзя точно передать на сырой глине. Писец чертил знаки на сырой глине — подсвечниках и под давлением его палочки сырая глина расширялась, а при обжиге высыхала и давала небольшие трещины. Поэтому некоторые знаки (рис. 5) на каменном постаменте получились более сходными со знаками алфавита, а знаки подсвечников по начертанию оказались неряшливыми.

Исследовав алфавиты из учебника № 7117, А. Г. Шанидзе определил, что все они как по начертанию знаков, так и по названиям букв, восходят к алфавитам-источникам, относящимся к IX—X вв.¹⁹

¹⁷ См.: А. Г. Абрамян. Указ. соч., стр. 16.

¹⁸ См.: Г. А. Климов. Указ. статья, стр. 70.

¹⁹ См.: А. Г. Шанидзе. Новооткрытый алфавит..., стр. 16, 17, 19 и т. д.

1 Ч и 4

2 На I строке надписи на постаменте алтарного креста 1411010
вм 72:0707, II строке 9 вм 2 (№11); 9 вм 9 (№12),
III строке 6 вм 6 (№4); IV строке 0 вм 0 (№13) Сочетание
U7 дано как UI в конце второй и начале IV строки На IV
границ подсвечника №2 знаки 57 перечерчены как 8, а 8
пропущен, на другой грани пропущен P; на III грани 4 перечерчен
как 8, а знак 7 II грани перечерчен как 0.

3 U7U вм 74П

- I 24787EECT74074079. 127E4884.. 7U7
7C0778742807h. 0. 787. 6... 77... 706444..
722807874647274 = 67 знаков
- II 6[77h07468242288270550... 427
78. 377887. 7E42... 422... 464... 4607... 727 = 49 знаков
- III 507 70262П2... 5472 44786074272... = 24 знака
- IV 807 9... 67782... 328807... F7774... = 20 знаков
- V [P94... 3... 8CP9426... 57... 88 = 21 знак
- VI 5 507 744887 - = 8 знаков
- VII .. 92427... = 5 знаков
- VIII 74П.. = 3 знака

5 L, O, h, 8, 7, 7...

6. Гласные: Զ a(1), Ն a₁(25), Ժ e(5), Է e₁(7), Ե o(2),

Կ i(13), Կ l₁(16), Ն i₂(47); Ռ u(35)

Согласные. Խ v(44); Ջ g(4); Դ d(18), Զ th(9), Զ t(36),

Ն z₁(45); Բ շ(8), Դ շ₁(12); Ը z(3), Զ z₁(5), Է z₂(20); Դ j(11),

Դ j₁(50), Փ kh(52), Զ k(21), Զ k₁(30), Կ k₂(42); Փ rh(51), Է s(43),

Զ s₁(46); Կ x(17), Դ x₁(37), Կ h(23), Փ h₁(24), Լ ց(26),

Դ ց₁(49), Դ ց(48); Վ ջ(10), Կ ջ₁(19), Զ ջ₂(27), Զ ջ(28), Զ ջ

(39); Զ ջ(38); Դ ջ(32), Զ ջ₁(34), Զ ջ(14), Զ ջ₁(33)

* Цифры, приведенные в скобках, указывают номера букв по
порядковости в алфавите.

7 Ե յ, Կ ռ, Կ շ...

8 (Ср греч ΟΥ, арм ՈՒ, груз ՕԿ, а также греч ΕΤ = арм ԵՐ и т.д.)

Позднее в грузинском письме „Нусха-Хуцури“ ՕԿ писался слитно,
в виде լԿ (լ+Կ) и стоял за Կ под № 23, а в армянском письме Ե вывел
из употребления и его место занял ՈՒ под тем же № 34

9. ՕԴ, ՄԴ, ՄԴ

10. (ср. груз. Դ алб. Դ, но арм Դ)

11. ՕԴ, ՄԴ, ՄԴ

12. Ն a(Az) - Զ a₂(A₂lt), Կ l(jzb) - Կ l₂(Ջաթ), Փ h(Ջաթ)
Կ h₂(H₂et); Դ p(Рен) - Դ p(Рез), Կ x(Хен) Դ х₂(Х₂ат)

Фонетич. значение	Исходный знак		Рабочая форма	Албанская буква		Фонетич. значение
K/X	Греч унци	ϕ IV в.н.э	ϕ	ϕ	(Klw)	Kh
Ph	Греч унци	ϕ IV в.н.э	ϕ	ϕ	(Plwz)	Ph
O	Греч	o	o	o	(on)	O
'(a)	Гарни, Армази, бори	Ɑ I II в.н.э	Ɑ	Ɑ	(Aəlt)	Aə
P	Армази, бори	Ɑ	Ɑ	Ɑ	(Pes)	P
K	Гарни, Армази, бори	Ɑ	Ɑ	Ɑ	(Kaz)	kk
t	Пальмира, Армази	Ɑ I-II в.н.э	Ɑ	Ɑ	(Tas)	T
W	Севан	Ɑ II в.н.э	Ɑ	Ɑ	(Jud)	J
W	Севан	Ɑ	Ɑ	Ɑ	(Wajd)	W
h	Эстрангело	Ɑ I в.н.э	Ɑ	Ɑ	(Həet)	Hə
S	Эстрангело	∞ I в.н.э	∞	∞	(Saj)	S
S	Эстрангело	∞ I в.н.э	∞	∞	(Šəak)	Šə
q	Арамейск	Ɑ	Ɑ	Ɑ	(Xep)	X
K	Северомесопотамск.	Ɑ	Ɑ	Ɑ	(Kət)	K
č	Пехлебийский	Ɑ	Ɑ	Ɑ	(ččət)	čč
č	Пехлебийский	—	(č·č) Ɑ	Ɑ	(caj)	č
č	Пехлебийский	—	(č·č·č) Ɑ	Ɑ	(čaz)	č
ž	Пехлебийский	—	Ɑ	Ɑ	(žaj)	ž

Фонетич. значение	Алфавит-источник		Рабочая форма	Албан алфавит	Армян. алфавит	Грузин. алфавит	Фонетич. значение
W	Пехлебийский	Ɑ, L	Ɑ, t	Ɑ	t	Ɑ	wv
č, ž	Пехлебийский	Ɑ	Ɑ, t, ž	Ɑ	Ɑ	Ɑ	č, č, ž
O	Греческий	o	o, a	o	—	o	o
kh	Греческий	ϕ	ϕ, f	ϕ, f	ϕ, f	ϕ, f	kh
ph	Греческий	ϕ	ϕ	ϕ	ϕ	ϕ	ph
				Ɑ, ч	Ɑ	—	n
				Ɑ	Ɑ	—	d
				Ɑ	Ɑ	Ɑ	ɣ, d
				Ɑ	Ɑ	Ɑ	č, t, č
				Ɑ	Ɑ	Ɑ	l

№: п/п	Транскрипция	Название букв алфавита	Знаки алфавита	Знаки большой группы	Знаки подгруппы №1	Знаки подгруппы №2	Знаки подгруппы №3	Знаки черетки №1	Знаки черетки №2	Знаки черетки №3	Знаки черетки №4	Знаки обломка
1	Aa	Aalt	Ɑ	Ɑ	Ɑ	Ɑ		Ɑ	Ɑ	Ɑ	Ɑ,Ɑ	
2	B	Bet	Ɱ	Ɱ	Ɱ	Ɱ		Ɱ	Ɱ	Ɱ		
3	V	Vez	Ɐ	Ɐ	Ɐ	Ɐ		Ɐ	Ɐ	Ɐ		
4	g	Gim	Ɒ	Ɒ	Ɒ	Ɒ		Ɒ	Ɒ	Ɒ		
5	ε	εB	ⱱ	ⱱ	ⱱ	ⱱ	ⱱ	ⱱ	ⱱ	ⱱ	ⱱ	
6	ž	Zil	Ⱳ					Ⱳ				
7	Z	Zazl	ⱳ	ⱳ	ⱳ	ⱳ	ⱳ	ⱳ	ⱳ	ⱳ		
8	Za	Zax	ⱴ	ⱴ	ⱴ	ⱴ		ⱴ	ⱴ	ⱴ		
9	J	Jud	Ⱶ	Ⱶ	Ⱶ	Ⱶ		Ⱶ	Ⱶ	Ⱶ		
10	W	Wajd	ⱶ	ⱶ	ⱶ	ⱶ		ⱶ	ⱶ	ⱶ		
11	J	JzB	ⱷ	ⱷ	ⱷ	ⱷ	ⱷ	ⱷ	ⱷ	ⱷ		ⱷ
12	K	Kiw	ⱸ	ⱸ	ⱸ	ⱸ	ⱸ	ⱸ	ⱸ	ⱸ		
13	La	Lait	ⱹ	ⱹ	ⱹ	ⱹ		ⱹ	ⱹ	ⱹ		ⱹ
14	KK	KKaz	ⱺ	ⱺ	ⱺ	ⱺ		ⱺ	ⱺ	ⱺ		
15	K	Kat	ⱻ	ⱻ	ⱻ	ⱻ		ⱻ	ⱻ	ⱻ		
16	m	MaK	ⱼ	ⱼ	ⱼ	ⱼ		ⱼ	ⱼ	ⱼ	ⱼ	
17	N	Nuc	ⱽ	ⱽ,ⱽ	ⱽ,ⱽ	ⱽ		ⱽ	ⱽ,ⱽ	ⱽ	ⱽ	
18	O	On	Ȿ	Ȿ/Ȿ	Ȿ	Ȿ		Ȿ	Ȿ	Ȿ/Ȿ		
19	pp	ppen	Ɀ	Ɀ	Ɀ	Ɀ		Ɀ	Ɀ	Ɀ		
20	P	PeS	Ȿ	Ȿ	Ȿ	Ȿ		Ȿ	Ȿ	Ȿ		
21	Sa	SaBK	Ɀ	Ɀ	Ɀ	Ɀ		Ɀ	Ɀ	Ɀ	Ɀ	Ɀ
22	Th	Thas	Ɀ	Ɀ	Ɀ	Ɀ	Ɀ					
23	X	Xen	Ɀ	Ɀ	Ɀ	Ɀ		Ɀ	Ɀ	Ɀ		
24	Ha	Haet	Ɀ	Ɀ	Ɀ	Ɀ		Ɀ	Ɀ	Ɀ		
25	Č	Ča	Ɀ	Ɀ	Ɀ	Ɀ		Ɀ	Ɀ	Ɀ		

16 Զa, Եb, Ժe, Դյ, Կi, Կn, Դw, ևk, Էs, 0/0°

17 22-Զ, 18-Ժ, 17-Կ, 16-Ե, 0/0-16, 13-Դ, 12-Կ,
11 Դ, 8-Է, 6-Կ, 5-Յ, 4-Հ, 4-և, 3-Զ, 3-Գ, 3-Գ,
3-Տ, 3-Մ, 3-Է, 2-Բ, 2-Ռ

18 ՅհաԿ Գ 19 ՅհաԿ Դ 20 ԷսԲ 21 ԷսԸ, ԴսԿ

22 ՅհաԿ Բ 23 ՆԸՀԶԴԴ

24 ԶԿԴԳ ԷԵԸԺԴԿՕԴԿԳ և ԶԶԵԿԺԿԿՆՍԴ
a u j p(a?) s ? ? g e j n u n p z(k?) a ha ? n e e i ha o a(?)
ԴԸՕԴԷԺԿԶՎՕԴև Օ ԷԺև Ե ՆԴ ԴՕԵԿԿԿ
j g u s e n a x o s z(k?) o s e z(k?) b u a(?) h a o b i n i
ԷՀԶ ԳՕԷԺԿԵԿԴԶԴԿ
s k a p o s e n b i j a j n

25 ՏԶԴՕԿԿՕԲԶ (Za Jopoka)
z a j o n n(?) o k a

26 ԵԸԺԶՕԴԿԵԺ Ծ ԶԿԶԶԺ
b g e s u n b e p(z?) a n a k i e

27 ՏԶԴՕԿԿՕԲԶ... և ԴԺ.. ՅՆԴԶԺ ԴԷԿԶԶԶ
z a j o n n o k a z(k?) j e h a u a(?) n e j z a n a n a k
ԿԵԿԿԵՕԴԴԶԴ
i b i n b u j a j

28 ԺՏԸԲ

29 ԸԲԶԿ ՆԳ և ԺՏԸԲԶԶԶԶԶ... ԿԴ... ԺԿԵԿ
g ? t n o a(?) p z(k?) e z g ? t n a b z j e i b i

30 507 +ԿԿԿԿ Zu klçke
 z u k l ç k e

31 Ծ07 Գ ԵՄԵԾԶ ՅԷԺԾ07. Բ ԵԶԺԿԶ
 z u m boə(?) p a h ə k e z u ž b p e p a

32 Կ07 ԽԶԵԶ ՄԶ ԵԿԴԶ ԿԿԴԵԾ07ԿԶԿԶ..
 z u v a h a l a b i j a ' i j e v u p a p a

33 ԳԶԿԶԶ
 m a p a s

Если сопоставить знаки албанского алфавита и надписи, в этом легко убедиться. В начертаниях этих знаков замечается небольшая разница (т. е. в отличие от знаков надписей начертания букв алфавита подверглись небольшой деформации). Изменения в основном претерпели названия букв, что затрудняет определение звукового значения знаков алфавита. Однако сравнительное исследование двух списков алфавита (список из учебника № 7117 и из США) показывает, что три названия букв разнятся по начальным звукам (йуд—муд, № 11; шак—чак, № 33; чай—йай, № 38), а семь—по средним и последним, что не представляет особого интереса. Начальные звуки названия букв алфавитов учебника № 7117 написаны красными чернилами для обозначения буквы-звука. Поэтому в определении букв алфавитов основным критерием служат заглавные буквы названий. Следовательно, если в двух списках албанского алфавита, списанных с интервалом во времени в 150 лет²⁰, различие наблюдается в основном в двух-трех названиях букв (а в начертаниях знаков почти нет разницы!), то между алфавитом-источником и списком алфавита XV в. это количество различий должно равняться примерно десяти-двенадцати. Но если данный список списан с оригинала, относящегося к X в., как это полагает А. Г. Шанидзе, то количество погрешностей может быть намного меньше.

Однако, судя по названию букв, в списке албанского алфавита XV в. представлено всего 29 букв (resp. фонем) с вариантами, т. е. мы имеем (рис. 6) 5 гласных фонем (resp. 9 звуков) и 24 согласных

²⁰ Учебник № 7117 был отредактирован известным по своему сочинению „История Тимур-ланка и его преемников“ (на арм. языке) вардапетом Фомой Мецопским. „Ввиду того, что хорошо известно время деятельности Фомы Мецопского, скончавшегося в 1446 г., с несомненностью устанавливается время переписки нашего учебника: первая половина 15-го века, вероятно, 30-е или 40-е годы“ (см.: А. Г. Шанидзе. Новооткрытый алфавит..., стр. 13). А. Крудиан полагает, что приобретенная им армянская рукопись со списками албанского алфавита списана с учебника № 7117 в 1580 г. (См.: Н. Kurdian. Указ. соч., стр. 82).

фонемы (всего 43 звука), из коих: названия 47 букв кончаются на согласный, а 5—на гласный (ча, жа, ша, чи, ина). Это значит, что в нем сохраняется традиция названий букв арамейской письменности, где всего два названия кончается на гласный (he, ne). Безусловно, названия 22-х арамейских букв никак не могут охватить названий 52-х букв албанского алфавита. Опыт составления алфавитов (особенно армянского и грузинского) показывает, что названия новосозданных букв были придуманы самими составителями²¹. В этом отношении албанский алфавит вряд ли может быть исключением. Правда, в нем сохранился ряд названий букв арамейского письма (вроде: gimel→gim, zaiп→zaiп, pi→pis, he→het), а также некоторые названия букв греческого алфавита (ср. ki→kiw, Фи→Piwi, taj→taj), но большинство названий сочинено составителями. Основой для таких названий служили всего несколько „корней-слогов“ с прибавлением заглавных букв,—а именно: -ар//арр (кар, klarр, ар, гарр); -ай//айн (гьай, джай, тай, чай, дзай, цайн, дзайн), -ат (klati, гат, чат), -ан (лан, дан) и т. д.

Неизвестно точное название некоторых букв албанского алфавита, обозначающих специфические звуки. Название 52-х букв переданы 34 буквами армянского алфавита (γ и ы не встречаются), из коих в начале слов (названий) не выступают мягкий „р“ и твердый раскатистый „pp“. Нет надобности доказывать, что при помощи 32-х букв армянского алфавита никак нельзя передать названия 52-х букв албанского. Однако само название этих букв говорит о многом. Во-первых, представляет интерес то, что мы имеем четыре ряда смычных, аффрикат, и спирантов и один ряд сонантов. Чем вызвана такая система? Не имеем ли мы дело со звуковым составом одного из древних горско-кавказских языков? Разумеется, да. В свое время А. Г. Шанидзе, Ж. Дюмезиль и автор этих строк, изучая албанский алфавит в сравнении со звуковым составом современного удинского языка, выделили в нем гласные и согласные²². Но наши дальнейшие исследования в этой области показали, что система консонантизма современного удинского языка намного беднее такового, представленного в албанском алфавите²³. Сравнительное же исследование албанского алфавита и звукового состава горско-кавказских (особенно лезгинских) языков в целом дает желаемые результаты.

Кроме глухого придыхательного kh (khiw), в албанском алфавите имеются еще три взрывных „k1“ (klar, klarр и klati) с совершенно различным начертанием этих букв. Здесь-то и выявляется творческое отношение составителей учебника № 7117 к названиям букв. Первый „к“, который непридыхателен, передан через мягкий „р“ (ккар), но второй звук был твердым, поэтому они „р“ заменили взрывным „t1“ и передали этим знаком абруптивный „k1“ (klati). Однако в алфавите оказалась буква для более глоттального звука, которого также нет в армянском языке. Составители учебника последний звук этой буквы заменили более твердым сонантом—„pp“ и таким образом передали фарингальный „кь“ (кьарр). На это обратил внимание А. Г. Шанидзе. Он писал: „Буква кь передает резкий фарингальный звук, которого в армянском нет совсем. Поэтому если такой звук имелся в албанском

²¹ См. об этом: А. Г. Периханян. К вопросу о происхождении армянской письменности. Переднеазиатский сборник, II. М., Изд-во „Наука“, 1966, стр. 117—120.

²² См.: А. Г. Шанидзе. Новоткрытый алфавит..., стр. 34—38; G. Dumézil. Указ. соч., стр. 126—128; Г. Ворошил. О древнеагванском алфавите и удинском языке. ИАН Азерб. ССР, СОН, 1962, № 1, Баку, стр. 83—86.

²³ Об этом подробно см.: Г. Ворошил. К дешифровке албанских надписей Азербайджана. „Этимология 1966“; Его же. Из истории изучения письменности Кавказской Албании. Сб. „Октябрьская революция и азербайджанское языкознание“. Баку, Изд-во АН Азерб. ССР, 1969, стр. 189—202.

языке (а надо полагать, что имелся) и для него в алфавите был собственный знак, то этот знак надо искать прежде всего в соответствиях арм. „kl“, где налицо три знака klar (№ 21), klarr (№ 30) и klatl (№ 42). Конечно трудно решить, какой именно из них передавал груз. къ, но гадательно можно остановиться на klarr (№ 30)²⁴.

Таким образом, смычные согласные составляют четыре ряда: звонкий „г_д“, (Гим), придыхательный „к“ (киw), непридыхательный (геср. преруптивный) „кк“ (ккар) и абруптивный „кл“ (клатl),

Кроме звонкого смычного „г_д“ (Дан), в алфавите наличествуют три глухих „т“ того же ряда. Первый из них называется „тае“ (№ 9), поэтому в нем легко опознать глухой придыхательный „th“. Пожалуй, в армянском и грузинском алфавитах (см. также арам. тет, греч. тета) „th“ стоит на том же девятом месте по очередности букв; в первом он называется „taj“, а во втором „тан“. Название двух других „т“ даны одним взрывным „tl“ армянского языка. Однако в ауслауте названия первого „tl“ стоит „й“, а второго—„р“ (тай, но тиwр). Можно предположить, что первый обозначает непридыхательный (геср. преруптивный) „тг“, а второй абруптивный „tl“.

Таким же способом расположены „п“ (№ 40) и „пл“ (41), которые следуют друг за другом.

Буквы Ф и Ф̄ специального исследования не требуют. Ясно одно, как в армянском, так и в албанском алфавите они находятся к концу. Ф в обоих алфавитах называется „rhuwг“, а Ф в албанском „khpw“, в армянском „khē“²⁵.

Аффрикаты и спиранты в албанском алфавите представлены в большом количестве. Очень трудно было составителям учебника точно передать названия трех „чl“, вторых „дж“, „ж“, „ш“, „ч“, против которых в армянском алфавите наличествовали по одному. Чтобы отличить переднеязычный дентолабиальный непридыхательный „чъ“ от абруптивного „чl“ того же ряда, они заменили глухой „й“ второго „ч“ на взрывной „tl“ (ср. чай, но чатl). Придыхательная аффиката „Sчl“ имеется в армянском языке. Поэтому один из трех „Sчl“ назван „чiи“ (ср. арм. чiе № 19). Однако под № 19 в албанском стоит другой „Sчl“, а именно, абруптивный „Sчl“ (члар). Чтобы различить „Sчl“ и непридыхательный „чч“, к названию первого прибавлен твердый раскатистый „р“, а второй дан без него—чla (№ 10).

Как видно из вышеприведенного, составители учебника разработали очень хитроумный способ передачи названий букв. То есть, они, учитывая специфические особенности названий букв албанского алфавита, соблюдали общее правило: заменили последние буквы названий в соответствии с корреляцией обозначаемого звука-буквы.

Так же поступили они в передаче названий букв грузинского алфавита, обозначающих абруптивы, фарингальные и другие смычные (tl—тар, kl—кан, чl—чар, хъ—хар...). Это является живым свидетельством тому, что в передаче названий букв специфические албанские звуки заменены армянскими, близкими им по корреляции. Ларингальный сильный „hъ“ дан фарингальным „h“, а фарингальные „хъ“, „къ“ даны придыхательными „х“ и „к“ и т. д.

Большое сомнение вызывает отсутствие „б“, „р“ и „γ“ в албанском алфавите. Если проследить за порядком букв грузинского, армянского, греческого, а также арамейского алфавитов, то можно наблюдать следующую очередность: а, б, г, д... Как полагали А. Г. Шанидзе,

²⁴ А. Г. Шанидзе. Новооткрытый алфавит..., стр. 33.

²⁵ См. те же знаки в грузинском письме „асомтаврули“: Ф-phag (№ 23), Ф-khan (№ 24).

Ж. Дюмезиль, А. Г. Абрамян, Г. А. Климов и автор этих строк²⁶, в албанском алфавите должен быть знак для звонкого смычного „б“. Это, во-первых, потому, что во всех современных кавказских языках он наличествует; во-вторых, все его глухие компоненты представлены в алфавите; в-третьих, „б“ участвует в названиях двух букв албанского алфавита: а именно: „Еб“ и „Ирб“.

Тут необходимо отметить, что если экземпляр алфавита-источника относился к X в., то к XV в. он уже мог быть в истрепанном виде. Поэтому составители учебника № 7117 могли бы перепутать сходные по начертанию знаков названия букв.

Исходя из этого, можно согласиться с мнением А. Г. Шанидзе и А. Г. Абрамяна, что из-за неразборчивости ветхой рукописи-оригинала переписчики вместо „Bet“ могли бы писать „Odet“ (O+det). Подобные ошибки наблюдаются в названиях букв других алфавитов того же учебника (см. Аха вм. Ха, zi вм. vi—в грузинском, Uta вм. vuda—в коптском, Elta вм. Delta—в греческом и т. д.). Это положение наше аргументируется еще двумя косвенными фактами: во-первых, слово „алфавит“ (азбука) в арамейских, греческом, армянском, грузинском, русском и др. языках образуется сочетанием названия букв „А“ и „Б“ (Ср.: арамейский алеф+бет=алефбей; греческий алф+бета=алф-абет; армянский айб+бен=айбубен; грузинский ан+бан=анбани, русский аз+буки=азбука и т. д.); во-вторых, в отличие от всех армянских и грузинских источников, в „Истории албан“ Моисея Утийского употребляется слово „алфавит“. Автор сообщает, что когда албанский князь Джаваншир был убит, поэт Давдак „стал петь, по алфавитному заглавию, следующий гимн...“²⁷ В армянских рукописях „Истории албан“, относящихся к XIII—XVIII вв., это слово (чуждое, армянскому языку) написано через „f“—alfafit²⁸.

Следовательно, если первая буква албанского алфавита называлась alth (alph!), то вторая могла бы называться *beth*. Таким образом, „алфавит“ в албанском имел бы такую же форму, как и в греческом (althabet<alphabet). Это вполне допустимо для Албании V—VII вв., когда в стране развит был грекофилизм.

Сходные начертания „з“ и „г“ в армянском языке, по всей вероятности, путали переписчиков, и они вместо „gim“ писали „zim“. Вследствие этого, на первый взгляд незаметного упущения, в алфавите оказались три „з“. Такие ошибки допущены и в названиях букв других алфавитов того же списка. Например, в сирийском алфавите название „g“ передано неправильно: вместо „гамл“ написано „дамл“; название „х“ греческого алфавита „читается“ скорее Vi, чем Ki, но надо учесть то обстоятельство, что в армянском письме В и К очень похожи друг на друга...“²⁹ Кроме того, второй „z“ (zarl), как и следовало бы, стоит после „Е“ (Еб). Восстанавливая название „г“, которое в свою очередь восходит к арамейскому „gimel“ (ср. также армян. gim), мы имеем общий с арамейскими, греческим, армянским и грузинским алфавитами порядок букв (см.: а, б, г, д -в араб., а, б, г, д, е, з—в армян., а, б, г, д, е, в, з—в грузин., а, б, г, γ, е, з—в албанском).

Звонкий спирант „γ“ в армянском и грузинском алфавитах находится в разных местах; в первом—между дз и ч, а во втором, как следовало бы,—между kh и хь. Причина ясна. В начале V в., когда

²⁶ См. вышеупомянутые труды этих авторов.

²⁷ См.: Моисей Каганткатвацци. История Агван (на арм. языке), М., 1860, стр. 179. „...jajnžam sksav na jergel est alfafitac gixkargutheanc zoγbs zajc u veraj bareacapartin Zuanširi...“

²⁸ См.: Моисей Каганткатвацци. История Агван, стр. 179.

²⁹ См.: А. Г. Шанидзе. Новооткрытый алфавит... стр. 15.

были составлены алфавиты закавказских народов, в грузинском языке наличествовал общекартвельский звонкий спирант „γ“, а в армянском его еще не было. „Индоевропейское l в армянском языке имеет два отражения—l и мягкое l, второе из которых в IX—XI вв. стало γ, т. е. „из области сонантов перешло в область шумных согласных...“³⁰.

Звонкий спирант „γ“, по всей вероятности, наличествовал и в албанском языке. Он представлен ныне во всех дагестанских языках и можно допустить его наличие в их праязыках³¹. По порядку букв „γ“ в албанском алфавите может стоять или после „g“ (gim), или же рядом с фарингальными „хъ“ и „къ“—как в грузинском алфавите. Обращает на себя внимание „γ“, „г“ и „kl“ грузинского алфавита по соотношению их названий, „γан“, „ган“, „клан“. В этой же связи особый интерес представляет 4-й знак албанского алфавита, называемый „гат“; во-первых, в порядке букв он стоит за „г“, во-вторых, имеет одинаковое название с абруптивным „kl“—gat, klat. Возможно 4-ый знак обозначает звонкий заднеязычный спирант „γ“ с названием „γатl“.

Не находя сонорного „р“ в албанском алфавите, А. Г. Шанидзе предполагал, что отсутствие его могло быть связано с особенностью „армянского языка, почти не знающего своих слов с начальным р и рр...“³² Такая особенность вряд ли могла послужить поводом для отсутствия сонорного „р“ в албанском алфавите, так как в армянском алфавите название мягкого „р“ пишется как „ре“, а твердого раскатистого „рр“—ррай. В названиях букв других алфавитов учебника № 7117 тоже участвуют „р“ (ср. греч. ро, груз. ра, копт. рой...).

Однако в сирийском алфавите того же учебника „р“ не указан, а латинский „р“ назван „Есе“. Не постигла ли такая участь албанский „р“? Думается, что да. Возможно, в ветхой истрепанной рукописи переписчикам трудно было различить армянский р от и (может быть верхний кончик р был чуть длиннее, или переписчики случайно писали его с таким кончиком), вследствие чего „Рон“ превратили в „Ион“. Кроме того: а) по порядку буквы „и“ (Ирб) и „и₁“ (Ина) находятся на своих местах: первый следует за „ж“ (№ 13), как в армянском алфавите, а второй за „л₁“ (№ 16). Но „и₂“ следует за „с₁“ (сой)—№ 47; б) в названии „и₂“ имеется стечение гласных, типа „Ио“. Стечение гласных или согласных в анлауте названий других букв албанского алфавита не встречается и вообще оно не характерно для албанско-лезгинских языков; в) „р“ и „рр“ широко употребляются в названиях букв албанского алфавита (ср. Ар, klar, klarр, чарр, Ирб, Заррл, пиwr).

Исходя из изложенного полагаем, что 47-я буква албанского алфавита, называемая „Ион“, предназначена для „р“ с названием „роп“.

А. Г. Абрамян и Г. А. Климов для „р“ выделили 42-й знак. Первый из них аргументирует это тем, что „сорок вторая буква названа „кат“, что является ошибкой; за z следует не „К“, а „R“. Здесь ошибка переписчика, написавшего „кат“ вместо „ррат“. В надписях встречается в совершенно неизменном виде. Прототипом ему могла служить армянская или грузинская однозначная буква“³³.

Итак, в одном абзаце А. Г. Абрамян допускает несколько неточностей: а) „к“ и „рр“ в армянском алфавите по начертанию заметно отличаются друг от друга, переписчики вряд ли их могли спутать; б) армянский „рр“ и грузинский „р“ заметно отличаются от 42-го знака

³⁰ См.: Г. Б. Джаукян. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, Изд-во АН Арм. ССР, 1967, стр. 232; Р. Ачарян. Когда l стало f? ИАН Арм. ССР, 1948, №5, стр. 30—40 (на арм. языке).

³¹ См.: Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961, стр. 58.

³² См.: А. Г. Шанидзе. Новооткрытый алфавит..., стр. 32.

³³ А. Г. Абрамян. Указ. соч., стр. 33.

албанского алфавита по начертанию, и поэтому вряд ли первые могли послужить прототипом последнему; в) за „ж“ следует „рр“ в армянском алфавите, такой порядок букв нельзя отнести к албанскому.

Г. А. Климов пишет: „Исходя из отдельных рабочих чтений и реконструкции списков агванского алфавита намечается следующая интерпретация согласных: b, n, r...“³⁴ (рис. 7).

Видимо, автор разделяет мнение А. Г. Абрамяна. Это заметно в чтении ими отдельных отрезков большой надписи. Напр.: „Serb[i]“, „ṡatosroa“ — у А. Г. Абрамяна; „Serb[i]“ и „Xosro“ [ц] — у Г. А. Климова.

Насколько такое положение соответствует истине, трудно сказать, но дешифрованные отрезки Г. А. Климова дают осмысление с удинской гипотезой текста.

Учитывая участие „р“ и „рр“ в названиях букв албанского алфавита, А. Г. Шанидзе гипотетически предполагал, что „в албанском был не один р, но две его разновидности, передаваемые различно арм. буквами рр и р“³⁵. Между тем, исследования по фонетике кавказских языков за последние годы показывают, что в общедагестанских языках был один сонорный „р“³⁶. Поэтому, вряд ли в албанском языке могло быть два „р“.

Если проследить происхождение „К“ (kaf) в фонетических алфавитах³⁷, то легко убедиться в том, что 42-й знак в албанском мог обозначить один из четырех смычных — kh, kk, kl и хъ.

Наличие по два разных знака для а, е, и можно объяснить тем, что в албанском языке, подобно современному удинскому, цахурскому, рутульскому, арчинскому и табасаранскому языкам, были фарингализованные гласные³⁸. Фарингализованные гласные в указанных, а также в ряде других горско-кавказских языках³⁹ употребляются в основном в составе исконных слов. Фонематичность этих гласных подтверждается хотя бы сопоставлением основ, в которых заменой фарингализованных гласных нефарингализованными меняется само значение слова⁴⁰.

³⁴ Г. А. Климов. Указ. соч., стр. 76.

³⁵ А. Г. Шанидзе. Неоткрытый алфавит... стр. 32.

³⁶ См. Б. К. Гигинейшвили. Общедагестанские* l и r*. Сообщения АН Груз. ССР, т. XLIX, № 1, Тбилиси, 1968, стр. 243—247.

³⁷ См. Д. Дирингер. Алфавит. Изд-во иностр. лит-ры, М., 1963, стр. 256, 361, 370, 524, 529...

³⁸ См.: А. Г. Шанидзе. Неоткрытый алфавит..., стр. 30—40; G. Dimézil, Указ. соч., стр. 128; Г. А. Климов. Указ. соч., стр. 71—72 и т. д.

³⁹ О фарингализованных гласных в горско-кавказских языках см.: В. Л. Панчвидзе. Грамматический анализ удинского языка. Автореф. докт. дисс., Тбилиси, 1949; Е. А. Бокарев. Цезские языки Дагестана. М., 1959; Его же. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961; Д. С. Имайшвили. Дидойский язык в сравнении с гинухским и хваршийским языками. Тбилиси, 1963; Е. Ф. Джейранишвили. Фарингализованные гласные в цахурско-рутульском и удинском языках. „Иберийско-кавказское языкознание“, т. XI, Тбилиси, 1959, стр. 339—359; Его же. Основные вопросы фонетики и морфологии цахского и мухадского (рутульского) языков. Автореф. докт. дисс., Тбилиси, 1966; Его же. Рутульский язык. „Языки народов СССР“, т. IV, стр. 580; А. А. Магомедов. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965; В. Л. Гукасян. Фонетические и морфологические особенности ниджского диалекта удинского языка. Автореф. канд. дисс., Баку, 1965; К. Ш. Микаилов. Арчинский язык. Махачкала, 1967.

⁴⁰ См. напр.: удин. хаъ „собака—ха „шерсть“, хоъ „вымя“—хо „роса“, муъхъ „веселый“—мухъ „ноготь“; цахурск. хаъw „небо“—хаw „дом“, кгоъw „мышь“—къow „деревянный ящик для муки“, йыъкъ „спина“—йыкъ „суп“; рутульск. һуър „мука“—һур „малина“, хаъл „небо“—хал „дом“; арчин. маъркъw „гвоздь“, маркъw „росток“, гиъкъ „зола“—гикъ „суп“, хъре „Арчиб.“, хъре „хвост“, къоън „между“—къон „козел“ и т. д.

Весьма загадочным является наличие оглубленного гласного „у“ в албанском алфавите. Как известно в греческом, армянском и грузинском письмах „у“ представлен в виде ложного дифтонга „оу“ (рис. 8).

Составители албанского алфавита, деятели грекофильского направления⁴¹ вряд ли нарушили бы эту общую греческо-армянско-грузинскую традицию, выделяя в алфавите знак для „у“. В связи с этим обращает на себя внимание сочетание знаков (рис. 9) в албанских надписях. Первый из них встречается восемь, второй—четыре, а третий—два раза. В монографии А. Г. Абрамяна первый фигурирует как „ov“ (y)⁴². Г. А. Климов и А. Г. Периханян тоже полагают, что данное сочетание в надписях предназначено для „у“. Все три исследователя о—идентифицируют с грузинским Q, а второй его компонент с грузинским v(vi)⁴³.

Данный знак наличествует в албанском алфавите (Wajd, № 50) и по очередности букв стоит там, где армянский w. Пожалуй, армянский w отличается от таковых албанского и грузинского только тем, что отрезан его верхний кончик—сгиб (рис. 10).

Кроме того, название буквы „О“ греческого и коптского алфавитов того же списка 7117 ошибочно написано „у“, латинский „О“ назван Пиё, а Н „Ой“, но „т“—как „у“. Такую ошибку переписчики могли бы допустить и в отношении албанского „О“, превращая „Он“ в „Ун“. Выпуклые начертания боковых линий [O] тоже показывают, что мы имеем дело с круглым „О“ (кстати, Q грузинского алфавита в том списке начертано искаженно). Отсюда следует, что для оглубленного „у“, его фарингализованного компонента „уъ“, а также фарингализованного „оъ“ в албанский алфавит не были включены отдельные знаки; они переданы с помощью ложных дифтонгов (рис. 11).

Если вышеприведенные положения и предположения верны, то в албанском алфавите можно выделить следующие фонемы⁴⁴ с восстановленными названиями букв:

А (Ар), Аъ (Аълт), Б (Бет), В (Вез), Г (Гим), Гъ (ГъатI), Д (Дан), З (Зарл), Зъ (Зъох), Е (Еб), Еъ (Еън), Ж (Жил), Жъ (Жъа), Й (Йуд) И (Ирб), Иъ (Иъна), К (Киw), КК (ККар), КI (КIатI), Л (Лан), Лъ (ЛъитI), М (Маки), Н (Нуц), О (Он), П (Пиwр), ПП (ППен), ПI (ПIес), Р (Рон), С (Сой), Съ (СъекI), Т (Тас), ТТ (ТТай), ТI (ТIиwр), Х (Хен), Хъ (Хъам), Къ (Къар), W (Wайд), h (hай), hъ (hъетI), Дз (Дзай), ДЖ (ДЖай), ДЖЪ (ДЖЪайн), Ц (Цой), ЦЦ (ЦЦайн), ЦI (ЦIaw), Ч (Чай), ЧЧ (ЧЧАТI), ЧIЪ (ЧIЪи), ЧI (ЧIа), ЧЪЧЪ (ЧЪЧЪар), Ш (Ша), ШЪ (ШЪакI).

Таким образом, звуковой состав албанского языка состоит из следующих гласных и согласных:

⁴¹ Об этом см.: А. Г. Шанидзе. Порядок букв грузинского, армянского и албанского алфавитов. Труды Музея истории Азербайджана, т. II, Баку, Изд-во АН Азерб. ССР, 1957, стр. 33—42; А. Г. Периханян. Указ. соч.; Г. А. Климов. Указ. соч.; Г. Ворошил. К дешифровке албанских надписей Азербайджана. „Этимология 1966“, М., 1968 и т. д.

⁴² См.: А. Г. Абрамян. Указ. соч., стр., стр. 31; Г. А. Климов. Указ. соч., стр. 76; А. Г. Периханян. Указ. соч., стр. 128—132.

⁴³ О соответствии знаков албанских надписей и знаков грузинской „Асомтаврули“ см. нашу статью: „К дешифровке албанских надписей Азербайджана“. „Этимология 1966“, М., 1968, стр. 395.

⁴⁴ В данной статье о порядке букв нет речи, хотя это имеет весьма важное значение с точки зрения определения даты надписей. Армяне для обозначения цифр пользовались буквами, разделяя их по десяткам. Хотя у грузин двадцатиричная система счета, но порядок букв расположен по десятиричной системе. Возможно для обозначения чисел албанцы тоже пользовались буквами.

Гласные: *простые*—а, е, и, о, у; *фарингализованные*—аъ, еъ, иъ, оъ, уъ.

Классификация согласных

	Полугласные	Сонорные	Смычные				Аффрикаты				Спиранты			
			Звонкие	Придыхательные	Непридыхательные	Абруптивные	Звонкие	Придыхательные	Непридыхательные	Абруптивные	Звонкие		Глухие	
											Сильные	Слабые	Сильные	Слабые
Губные	ʋ	м н р	б д	п т	пп тт	пl tl					в			
Переднеязычные							дз дж джъ	ц ч [чъ]*	цц чч чъчъ	цl чl чlъ	з ж	зъ жъ	с ш	съ шъ
Дентолабиализованные														
Среднеязычные	й	ль									гъ			
Заднеязычные			г	к	кк хъ	kl къ							х h hъ	
Фарингальные														
Ларингальные														

* Предполагаем.

Нет надобности доказывать, что такой звуковой состав присущ почти всем горско-кавказским языкам. Смычные—б, п, pp, pl; д, т, tt, tl; г, к, кк, kl наличествуют в агульском, хиналугском, лезгинском, табасаранском и арчинском языках; сложная система аффрикат в виде: дз, дж, джъ, ц, цц, цl, ч, чч, чъчъ, чl, чlъ свойственна табасаранскому, арчинскому и удинскому языкам; спиранты—два ряда свистящих и шипящих (слабые и сильные) з, зъ, ж, жъ, с, сь, ш, шъ наличествуют в удинском, цахурском, агульском, табасаранском и арчинском языках и т. д.⁴⁵

Обращает на себя внимание еще одна особенность начертания некоторых знаков албанского алфавита. Начертание знаков албанского, грузинского и армянского алфавитов, с точки зрения палеографии, почти одинаково. Это значит, что все эти три алфавита составлены на основе одной модели. Однако, „несмотря на очевидный факт большой близости агванских букв к своим арамейским прототипам, характер параллелизма большинства их с армянскими и грузинскими приводит ряд исследователей к выводу о производности агванского алфавита непосредственно от одной из северо-месопотамских разновидностей арамейского письма, а только через посредство армянского и отчасти грузинского алфавитов“⁴⁶. В этом отношении особенно можно отметить исследования Г. Г. Севака, А. Г. Абрамяна и А. Г. Периханяна⁴⁷. Однако достаточно обратить внимание на несколько деталей албанского алфавита, чтобы убедиться в неверности такой точки зрения.

Элемент „и“, который участвует в образовании знаков албанского алфавита, иногда упускается из виду, хотя имеет существенное значение в изучении происхождения алфавита. Там, где мы имеем два а, и, к, h, x, один из них передан через этот элемент (рис. 12).

Подобную „операцию“ нельзя считать вольностью переписчиков. Во-первых, общесложившаяся традиция не позволила бы им создавать или преобразовывать знаки чужого алфавита; во-вторых, тогда они

⁴⁵ См. „Языки народов СССР“, т. IV, М., Изд-во „Наука“, 1967.

⁴⁶ См.: Г. А. Климов. Указ. соч., стр. 73—74.

⁴⁷ См.: Гурген Севак. Месроп Маштоц: создание армянских письмен и словесности, Ереван, Айпетрат, 1962, стр. 38—46; А. Г. Периханян. Указ. соч., стр. 128—132; А. Г. Абрамян. Указ. соч., стр. 33; G. Dimézil. Указ. соч., стр. 125.

могли бы применять эту систему для всех парных и тройных знаков. Нам кажется, что вышеуказанный элемент в албанском алфавите унаследован от протоалфавита, а в ряде случаев введен составителями.

Для наглядности лучше сделать небольшой экскурс к алфавиту-прототипу, в котором и кроется с нашей точки зрения, весь секрет начертания букв албанского алфавита. Эта работа частично проделана А. Г. Периханян в ее весьма ценной статье, упомянутой выше. В таблицах „Предположительное происхождение некоторых знаков грузинского письма V в. н. э. и албанского письма из знаков арамейской и пехлевийской письменности“ и „Происхождение албанского письма“ автором предложен, как нам кажется, убедительный вариант происхождения албанского алфавита.

Новые письма закавказских народов безусловно подверглись ряду изменений: во-первых, им было дано направление, обратное арамейскому; во-вторых, они были обработаны и стилистически, „причем эталоном служило греческое унциальное письмо этого времени“⁴⁸. Это видно из того, что последние буквы армянского и албанского алфавитов те же, что и в греческом—Ф и ψ, которые входят также в состав грузинского алфавита; несмотря на то, что в грузинском языке двадцатиричная система счета, под влиянием греческого письма, буквы грузинского алфавита расположены по десятиричной системе⁴⁹. С этим-то связана передача гласного „у“ с помощью ложного дифтонга „оу“ и т. д.

Все это, конечно, привело к тому, что некоторые знаки закавказских алфавитов стали сходны по начертанию с таковыми греческого алфавита. Для наглядности на рис. 13 приводится небольшая сравнительная таблица знаков арамейского, греческого и албанского письма⁵⁰. Вышеприведенные факты показывают, что на основе единой модели были составлены все три алфавита, т. е. один и тот же знак алфавита—источника является прототипом знаков для трех закавказских алфавитов (рис. 14).

Изложенное показывает, что албанское письмо восходит к тому же арамейскому письму, к которому восходят армянское и грузинское. Общность многих названий букв всех трех алфавитов связана с тем, что они одинаково унаследованы из первоисточника⁵¹⁻⁵⁴. Это в свою очередь помогает выяснить звуковую значимость албанских знаков. Поэтому с уверенностью можем сопоставить сходные по начертанию знаки албанского алфавита и надписей с указанием их фонетических значений (рис. 15).

Простой подсчет показывает, что частотность знаков рис. 16 в надписях намного выше, чем всех остальных знаков, вместе взятых.

В надписях в общей сложности мы имеем: 22 „а“, 18-„е“, 16 „б“, 16 „о“, 17 „и“, 13 „й“, 12 „н“, 11 „w“—**итого 125 знаков**. Если сюда прибавить частотность употребления следующих знаков: 8 „с“, 5 „һъ“, 6 „н“, 4 „к“, 4 „р“ (kl?), 3 „м“, 3 „п“, 3 „pl“, 3 „ч“, 3 „з“, 3 „т“, 2 „л“, 2 „к“ (рис. 17), то эта цифра будет равняться **175 знакам**. Следовательно, тех знаков надписей, которые не имеют свои соответствия в алфавите, в общей сложности—22, не больше!

⁴⁸ См.: А. Г. Периханян. Указ. соч., стр. 129—131.

⁴⁹ Там же, стр. 131—132.

⁵⁰ Приводятся знаки алфавита из учебника № 7117, а также ряд знаков надписей.

⁵¹⁻⁵⁴ См. напр.: алб.—арм. чай, пиwр, шай, се[kl], хен, ну[ц]; алб.—груз.: ен, хен//хан, һай, он, клар, ун, ин(а), члар, жа(н), дан//дон и т. д.

Знак рис. 18 встречается всего один раз и только на четвертой грани большой надписи, причем в интервокальном положении— „а...о“. В других надписях его нет. Возможно он глухой придыхательный „п“. По всей вероятности, во время высечения знака, под ударом молотка писца отломались осколки с края столбца. Аналогичное явление мы встречаем на черепке № 4, где выступ гласного „а“, следующего за анлаутным „м“, по той же причине удвоился (см. стр. 32). Наше предположение может быть подтверждено еще тем, что наличествующий „п“ в надписях всегда находится в сочетаниях с гласными „а“, „о“, „у“.

Знак рис. 19 встречается лишь один раз на второй грани большой надписи и один раз на подсвечнике № 1. Видимо, он вариант й или w.

Вопрос осложняется со знаками рис. 20⁵⁶. Первый из них дважды встречается на первой грани большой надписи, между знаками рис. 21; других надписях его нет. Знак рис. 22 дважды встречается на подсвечнике № 2 между „г“ и „н“.

Обращают внимание начальные восемь знаков первой грани большой надписи. Здесь имеются стечения гласных ai и согласных jps... g, затем следует—eјпипркl(г?) ahə... п⁵⁶, последние три знака дают стечение eei[n]. Подобные стечения и наличие 6—7-х знаков очень затрудняют чтение текста первой грани. Однако 8—20-ые знаки имеют следующее чтение... g(z?) eіпипркl(г?)ahə... ne, где хорошо выделяются аффиксы родительного падежа -пип и местного -e.

Из второй грани хорошо читаются 3—13-ые знаки: jguseпахост(kl?) о... „в йг году Хоср(kl?) о...“ По мнению Г. А. Климова, „йг“ в данном случае является буквенным обозначением чисел „23“⁵⁷. Это допустимо, так как такой метод обозначения чисел существовал и существует в армянском и грузинском письмах. Но дело в том, что в алфавитах двух последних писем имеется давноизвестный твердый порядок букв, чего нельзя пока сказать об албанском. Одно ясно: из—„гйусена“ хорошо выделяется слово „усена“ (в году). Отсюда можно заключить, что „гй“ обозначал число, возможно дату постройки (?).

12—16-ые знаки второй грани А. Г. Абрамяном дешифрованы как [∇]QATOS[∇]ROA, у которого оно оказалось сложным словом, состоящим из армянского „aγothkh“ и персидского „srah“ в значении „храм“, „молебный дом“⁵⁸. Однако подобных типов заимствований не встречается в удинском языке.

Более реальный вариант чтений дает Г. А. Климов: „23 usena Хосго[и]“⁵⁹, что в переводе значит „в 23 году Хосрова“. Здесь налицо удинское слово „усена“ (в году) с аффиксом дательного падежа -а,

⁵⁶ А. Г. Абрамяном первый из них дан как вариант „г“, а второй как иррациональный гласный „ы“. Однако это не подтверждается фактами. „Первый знак находится рядом со вторым, следовательно, он уже не вариант „г“. Что касается „э“, то его в албанском языке не должно быть. Если даже допустить такую возможность, то только в одной небольшой надписи (подсвечник № 2) мы имели бы повторение личного имени Гюта в виде „Гыт“ два раза (см.: А. Г. Абрамян. Указ. соч., стр. 42).

⁵⁶ На фотоснимке первой грани большой надписи, опубликованной в монографии А. Г. Абрамяна, нет знаков от 8-го до 12-го. Заполняя этот пробел, автор гипотетически прибавил туда знаки рис. 23. Это не соответствует надписи первой грани, приведенной нами. Г. А. Климов 14-й знак первой грани правильно исправил на „н“, но почему-то выбросил второй „е“ из сочетания „ееи“. Тем не менее и эта процедура не дает чтения, так как за „е“ следует „и“.

⁵⁷ См.: Г. А. Климов. Указ. соч., стр. 78.

⁵⁸ А. Г. Абрамян. Указ. соч., стр. 43.

⁵⁹ Г. А. Климов. Указ. соч., стр. 78.

что соответствует нормам грамматики удинского языка. Но сомнение вызывает следующее: а) стечение „оуь“ в конце „хосроуь“; б) неправильный с точки зрения современного состояния удинского языка синтаксический оборот. С точки зрения удинской гипотезы текста, слово „usen“ должно было бы стоять в аддесивном падеже: „Хосрови 23 усенастла“.

Четвертая грань большой надписи читается лучше и осмыслена с точки зрения удинской гипотезы текста: „и... hobini... s̄karosenbičajn...“, где налицо слова „hobin“ (название местности или личное имя), ...s̄karosen“ (слово с аффиксом эргативного падежа „-en“), аорист I „bi“ (сделанный) от масдара II „besun“ (делать) и „čajn“ (значение не ясно). Слово „...s̄karos“ по всей вероятности, вторая часть „Jeris̄koros“ а (епископ), так как в удинском языке мы не обнаружили другого слова, имеющегося в составе данного компонента.

Таким образом, мы можем иметь текст следующего содержания: ...Hobini jeris̄korosen bi... čajn „сделанный (построенный) епископосом Нобина“. Здесь „Hobin“ скорее всего название местности, чем личное имя, так как оно стоит в родительном падеже, а „jeris̄koros“ в эргативном. В обратном случае „jeris̄koros“ должен был бы стоять в номинативном падеже, а „Hobin“ в эргативном, т. е. Jeris̄koros Hobinen bi... (сделанный епископом Нобином).

Хотя текст большой надписи в целом еще не поддается полной дешифровке, но он может быть транскрибирован в приведенном виде на рис. 24.

Подсвечник № 1 (геср. № 768) обнаружен на левом берегу Куры в 1950 г. Это—глиняный четырехгранный подсвечник с надписью, вырезанной острием на всех его четырех сторонах. Надпись вырезана до обжига и состоит из 49 знаков: 5 строк из 17 знаков на одной, 3 строки из 15 знаков на другой, 2 строки из 10 знаков на третьей и 2 строки из 7 знаков на четвертой.

Надпись может быть дешифрована в двух вариантах: а) судя по количеству знаков, она может начинаться с: *Za Jopoka „Мне Ионоку...“* (рис. 25); б) другая сторона надписи в начале имеет сокращенные слова, в виде ВГ, которые А. Г. Абрамяном дешифрованы как Бихаджуг „бог“⁶⁰. Автор аргументирует свое положение тем, что „в древнехристианской литературе обычно под титулом сокращали следующие семь слов, называемые господскими: „Бог“, „Иусус“, „Христос“, „Святой“, „Господь“, „Израил“ и „Иерусалим“. По этому принципу и здесь под титулом сокращено слово „бог“⁶¹. Так как мы пока не можем предположить другого чтения, объяснение А. Г. Абрамяна оставляем в силе.

Если *bgesunbe... p(z)anake* (рис. 26) является первой стороной, тогда за ним следовало бы: *za jopoka... r(ç?) je... hæuэ (?) ne... jzэ papak... ibinbičaj...* (рис. 27), из которого получается текст: *Bg (Bixazug) esunbe zanake... Za Jopoka ç(r?) je... hæuэne... jzэpapak... ibinbi čaj...* „Бог, скорее бы для меня... ты... мать (моя)... сделанный есть“. При чтении в обратном порядке мы имеем более связанный текст: *Za, Jopoka ç(r?) je hæuэп... Bixazug esunbe... „мне, Ионоку... ты, Бог, скорее бы...“* В этом случае мы имели бы синтаксическую конструкцию, соответствующую таковой в удинском языке. Личное имя „Ионок“, следующее за личным местоимением I лица „за“ (я) стоит в дательном падеже, а „бог“ в номинативном.

⁶⁰ См.: А. Г. Абрамян. Указ. соч., стр. 53.

⁶¹ Там же.

Подсвечник № 2 обнаружен в поселении № 2 на левом берегу Куры. На грубообработанном пирамидообразном подсвечнике надпись сделана на всех четырех сторонах. Но тут также трудно определить начало текста. По А. Г. Абрамяну, он начинается с *ezg?* (рис. 28), причем автор, выбросив последние две буквы, прочел только две первые, как „еч“, в значении возвратного местоимения „свой“, „его“ (?)⁶².

Из опробованных четырех вариантов чтения, более или менее точным считаем: *g? tп... оэ(?) рг(қ?) егг? tпab... zj... е... ібі* (рис. 29). Правда, разделить текст по слогам не трудно, но значение их, исходя из удинской гипотезы текста, не ясно. В конце текста мы имеем аорист I „*бі*“ (сделанный), имеется также слог „*ez*“, который может быть притяжательным местоимением „свой“.

Подсвечник № 3 обнаружен в 1952 г. на втором участке. Надпись его стоит всего из 8-ми знаков, вырезанных снизу вверх на одной стороне *zu kiske* „я младший“ или „я маленький“ (рис. 30). Надпись не сделана до конца и потому трудно судить, что хотел написать автор.

Черепок № 1 является фрагментом красноглиняного подсвечника в форме усеченного конуса. Обнаружен он в 1948 г. в том же поселении № 2. Надпись состоит из четырех строк, уцелел только 21 знак: *Zu, M[anas] [me] boэjpa... hэ[a]қezu... ž(g?)b[i]пeпa[k]* „я, М[анас] [этот] подсвечник (?) взял (купил или получил) для невесты“ (рис. 31).

Слово „*boэjр*“ или „*buэjр*“ в значении „подсвечника“, „свечи“, или „подарка“, „сувенира“ и проч. в современном удинском языке не употребляется. Не нашли мы ее и в современных дагестанских языках в этих значениях. Слово „*hэаксун*“ в удинском языке многозначное; оно может обозначать „купить“, „взять“, „получить“ и даже „сделать“. Возможно, в данном тексте это слово в последнем значении: „я, из глины получил (т. е. мне удалось из глины сделать) подсвечник для моей невесты“. Подсвечник для новобрачных у удин весьма необходимый атрибут, так как в день свадьбы у них должен гореть свет (свеча), чтобы у молодоженов было светлое будущее. Этот обычай до сих пор сохраняется у удин. Если 8-й знак „*z*“, а не „*p*“, на который он действительно очень похож, тогда мы имеем: *Zu, M[anas], buzaқsa...* „Я, М[анас] хсчу (желаю, мечтаю...)“. Слово „*buzaқsa*“ состоит из глагольной основы „*bu-*“ и личного показателя „*Za*“ в дательном падеже, в значении „мною, я“ и формантом настоящего времени *-Sa*.

Черепки № 2 и № 3—фрагменты красноглиняного четырехгранного пирамидообразного подсвечника, обнаруженные в 1948 г. на правобережной территории Мингечаура, являются нижней частью подсвечника; на первом сохранились 13 знаков, а втором—9. По всей вероятности, тут была круговая надпись на две строчки. Сохранившиеся части дешифруются в следующем виде: *Zu, vaba[ka] la... bija... ijebu папа[п]* „Мне, верующему... делала (совершила) мать“ (рис. 32). В тексте ясно читаются слова: *Zu* (я), *vaba [ka] la* (верующему), *bu* („есть“, „имеется“ от глагола *баксун* „быть“, „иметь“, который является, исходя из системы глаголообразования в удинском, а также в дагестанских языках, вспомогательным глаголом при именной или глагольной основе) и *папа* „мать“.

Черепок № 4 обнаружен на втором участке раскопок в 1948 г. и состоит всего из 5-ти знаков. Этот черепок—обломок большого красноглиняного винного кувшина. В отрезке осталось имя хозяина или мастера „*Manas*“ (рис. 33).

⁶² См.: А. Г. Абрамян. Указ. соч., стр. 56.

Таким образом выясняется, что надписи подсвечников № 1, 3 и черепков № 1, 2 начинаются с личного местоимения I лица в номинативном (зу „я“) и дативном (за „мне“) падежах. Встречаются личные имена—**Манас, Йонок** (→*Енок*), **Хосров**. В „Истории албан“ Моисея Утийского часто упоминаются Сасанидские Шахеншахи Хосров Ануширван и Хосров Первиз, а также близкий соратник албанского царя Вачагана III, а именно Кабалинский епископ Манасе(V в.). Глаголы „besun“ (делать), „baksun“ (быть, иметь) часто встречаются в надписях в виде аориста и причастия (bi, be „сделанный“ и bu „есть“, „имеется“); в нескольких надписях повторяется слово „папа“ (мать) в номинативном и эргативном падежах; наличествуют аффиксы родительного, дательного и эргативного падежей и т. д.

Все это еще раз подтверждает положение албанистов о том, что албанская письменность, по всей вероятности, была на древнеудинском языке.

Небезынтересно отметить, что албанские топонимы, гидронимы, оронимы, названия месяцев, личные имена и пр., сохранившиеся в армянских, грузинских, арабских письменных источниках и в „Истории албан“ Моисея Утийского, имеют свои реальные значения в удинском языке. В этих источниках четко и ясно прослеживаются следы албанской (гесп. древнеудинской) лексики и грамматики. Примером могут служить, первым долгом слова „ašput“, „tavput“, „eniba“, „kalankajtuk“, „clax//calag“, „xpсіқ“, наличествующие в „Истории албан“ Моисея Утийского, которые сохранили нам исконные лексические и грамматические формы удинского языка. Они и ныне употребляются в удинском языке в том же значении⁶³, где налицо отрицательная частица —put и словообразовательный аффикс -ba.

Кавказоведами давно определено, что ряд названий месяцев древних албан имеют реальные значения в современном удинском языке. Из них особый интерес представляет: ехпа „жатвенный“ (июнь), „cile“ „посевной“ (букв. „семенной“—от cil „семена“), хівпа „третий“, tulen „виноградный“, воковон „сборный“ (т. е. месяц сбора урожая) и т. д., где наличествуют аффиксы родительного падежа -pa[j] и -en// -on. Аффикс -en// -on характерен еще тем, что в современном удинском языке он изредка употребляется только в двух подговорах ниджского диалекта, в значении -pa// -paј (ср. eš₃enход//eš₃паход „яблоня“, tulen badaқ//tulna badaқ „виноградный бекмес“...). Еще один формант родительного падежа (-un) А. Г. Шанидзе наблюдал в албанском названии месяца Navarsadun⁶⁴ от персидского Navarsad „новый год“.

В древнегрузинской хронике упоминалась речка на территории современного города Белоканы Азербайджанской ССР, называемая по грузински „Macis cyalі“. Это название современной реки „Mazət čaj“. Уточняя сведения древнегрузинской хроники, географ Багратиони Ва-

⁶³ Об этом подробно см. нашу статью: Удинские слова в „Истории албан“ „Известия АН Азерб. ССР, серия язык, литература и искусство“, 1968, № 1.

⁶⁴ См.: А. Г. Шанидзе. Язык и письмо кавказских албанцев... стр. 184. См. также: П. И. Ингороквa. Древнегрузинский языческий календарь V—VIII вв. Труды Музея Грузии (1931/32), Тифлис, 1933, стр. 300—303; Эд. Агаян. Название месяцев у албанцев (на арм. яз.) ИАН Арм. ССР, СОН, № 6, 1946, стр. 61—64; G. D u m é z i l. Указ. соч., стр. 126—128; С. Т. Еремян. Идеология и культура Албании III—VII вв. Очерки истории СССР. М., Изд-во АН СССР, 1958, стр. 327; Г. А. Климов. Указ. соч., стр. 69—73; Ворошил Гукасян. О некоторых вопросах истории албанской письменности и литературы. ИАН Азерб. ССР, серия язык, литература и искусство, 1968, № 2, стр. 77—93 и т. д.

хушти (1676—1770 гг.) отметил, что потомки древних албанцев, современные ему удины называют эту реку „Масі хе“ (белая вода)⁶⁵. Следовательно, грузинское „*masis çali*“ и азербайджанский „Мазымчай— производные формы от удинского „масі хе“.

Наконец, удины сами всегда считали себя потомками албанцев. Достаточно упомянуть письма удин, адресованные Петру I, где ясно подчеркнуто, что „мы агванцы по нации удины“⁶⁶. Первая грамматика удинского языка, написанная в XVIII в. и переданная Товма Коргановым в 1842 г. в Русскую императорскую академию, называлась „Начальные основания грамматики агванского языка“⁶⁷. Хотя подобных фактов очень много, но и приведенные показывают, что в отождествлении удинского языка с албанским стольких случайностей не может быть.

Ворошил Гукасјан

Албан китабэлэринин охунушу

ХУЛАСЭ

Мэгалэдэ ашағыдакы мәсэлэлэрдэн бәһс олунур:

1. Албан әлифбасынын XV әсрә аид нүсхәсиндә һәрф адлары илк дәфә дүзкүн охунуб, онларын фонематиклији мүәјјәнләшдирилир. Мә’лум олур ки, 52 һәрфдән ибарәт олан албан әлифбасы гәдим албан (геср. удин) дилинин 54 сәсини (10 саит вә 44 самит) тәмсил едир.

2. Мөвчуд албан китабэләриндәки 197 ишарәнин 175-и һәр чәһәтдән (график, фонематик...) әлифбадакы 36 һәрфин инвариантларыдыр.

3. Китабәләрин охунмасынын јени үсулу тәклиф олунур. Бундан өтрү мүәллиф ики әсаслы методдан (мүгајисәли—тарихи вә дистрибутив) комплексли сурәтдә истифадә етмишдир.

4. Китабәләрин охунушу V—XV әср ермәни, Сурија, күрчү вә әрәб мүәллифләринин, һәмчинин XIX—XX әср шәргшүнасларынын (хүсусилә гафгазшүнасларын) албан јазысынын гәдим удин дилиндә олдуғу фикрини бир даһа сүбут едир.

⁶⁵ См.: Вахушти. Описание царства Грузинского (География Грузии) (на груз. яз.), Тбилиси, 1941, стр. 98; С. Т. Еремян. Страна „Махелония“ надписи Кааба-и-Зардушт. ВДИ, 1967, № 4, стр. 54.

⁶⁶ См. П. Т. Арутюнян. Борьба армянского и азербайджанского народов в 20-е гг. XVIII века за присоединение к России. „Уч. зап. Ин-та востоковедения АН СССР“, т. III, 1951, стр. 138.

⁶⁷ См. Рукописный фонд Ленинградского Отделения Ин-та востоковедения АН СССР, С. 7 (по старой нумерации: Арм. 77), 19 листов,